

ШПИОН МАНИЯ

Сергей
Зверев
завербованная
смерть

Разведчик-нелегал

Сергей Зверев

Завербованная смерть

«Научная книга»

2008

Зверев С. И.

Завербованная смерть / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2008 — (Разведчик-нелегал)

Сотрудник внешней разведки ФСБ должен уметь все. Иначе провал. Капитан Александр Оршанский внедрился в цирковую группу и отправился с ней на зарубежные гастроли. Разведчик подозревает, что кто-то из циркачей снабжает иностранцев секретными чертежами военного значения. Но пока он пытался вычислить шпиона, местная полиция его самого упекла за решетку. Вот и попробуй работать в таких условиях! Что ж, с полицией разобраться несложно, а вот противника переиграть – не всем по зубам...

© Зверев С. И., 2008

© Научная книга, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	28
Глава 9	32
Глава 10	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Зверев

Завербованная смерть

Глава 1

– Товарищ полковник, по вашему приказанию...

– Проходи, Александр, садись. – Вячеслав Генрихович Шапошников, начальник одного из отделов внешней разведки ФСБ, гостеприимно пригласил своего подчиненного, капитана Александра Оршанского, не к огромному начальственному столу, а в укромный угол кабинета, где располагались широкий мягкий велюровый диван, огромный аквариум и несколько экзотических пальм в крупных деревянных кадучках. Этот жест дал понять, что предстоящая беседа будет не совсем официальная, скорее дружеско-домашняя. Следовательно, очередной выволочки за свою излишнюю самостоятельность и проявления самодеятельности сегодня Александру не грозило.

Вячеслав Генрихович захватил со стола несколько листков бумаги и уселся рядом с разведчиком.

– Есть у меня для тебя, Саша, одно очень непонятное, запутанное дело, – начал полковник, удобно примостившись на подушках. – В общем, работа не только нашего, но и еще нескольких отделов зашла в тупик. Сока хочешь?

– Хочу, – принял предложение Оршанский.

Вячеслав Генрихович, не вставая с дивана, достал откуда-то из-под себя большой пакет апельсинового сока, стаканы, аккуратно разлил содержимое и подал подчиненному.

– Даже не знаю, с чего начать, – озабоченно произнес полковник и отхлебнул желто-оранжевую жидкость. – Начну, пожалуй, с самого далека, а ты, если возникнут вопросы, по ходу спрашивай, годится?

– Хорошо. – Александр охотно согласился с предложенной схемой беседы.

– Делом этим изначально занимались ребята из отдела по наркотикам, – начал Вячеслав Генрихович, – и ничем сверхинтересным там не пахло: обычная цепочка международного транзита из Азии в Европу. Ребята четко и последовательно отслеживали весь путь, поставщиков, курьеров и так далее, но брать не спешили: еще не все кончики были в кулаке. Полтора года они подбирались к покупателю, а когда подошли вплотную, то, скажем так, едва не смешали карты еще двум нашим отделам, которые вели этого типа совсем по другим каналам...

– По каким, если не секрет? – поинтересовался Оршанский. – Оружие?

– И это тоже, – согласно кивнул Вячеслав Генрихович. – Дельцы такого пошиба обычно не гнушаются любым попутным приработком. Так сказать, специалисты широкого профиля. Но здесь – особая статья. – Шапошников воздел кверху указательный перст. – Через этого человека за границу переправлялась информация, которая носит гриф «Совершенно секретно. Государственная тайна».

– Он что, переправлял за бугор нашу секретную документацию? – заинтересовался Оршанский.

– И документы – тоже, – кивнул головой полковник.

– А я думал, что время микропленок и прочей чепухи, запрятанной в дупло зуба, канули в Лету. – Александр, не сдержавшись, саркастически усмехнулся. – По-моему, это куда проще сделать с помощью Интернета или простой спутниковой связи с заданной частоткой.

– Текст и фотографии – да, можно запрятать в Интернете и отправить закодированную информацию туда, где ее ждут и знают, где искать, – согласился Шапошников, – но есть вещи, которые не по зубам Всемирной паутине.

– Например?

– Например, если не удалось достать формулу, скажем, нового ракетного топлива, а само топливо – так сказать, лабораторный материал – агенты смогли получить. Как тогда быть? – Полковник лукаво глянул на Александра. – Сфотографировать пробирку и послать по Интернету? Тут ведь нужен анализ специалистов. Да те же фотографии узлов и агрегатов, которые находятся в кожухах или в нерабочем состоянии. Как они функционируют? По какому принципу? Иногда легче достать сам этот главный секретный узел, чем документацию на него. Особенно если техника пошла на вооружение и стала выпускаться не в единичном экземпляре, а массово.

– Ну, допустим, – согласился Оршанский.

– Что – допустим? – не понял начальник отдела.

– Что не все можно сообщить через компьютер.

– Об этом и разговора нет, – махнул рукой полковник, – это данность. И головная боль. Как доставить оттуда к нам части секретного вооружения? Аналогичную задачу решают и их спецслужбы. Так вот, в основные функции этого человечка, который подвизался в торговле наркотиками, оружием и еще черт знает чем, входила переправка за бугор таких вещей, которые поддаются исследованию только в лабораторных условиях.

– Вячеслав Генрихович, неужели это так сложно? – с сомнением покачал головой Оршанский. – Тут фурами всякую дрянь через границу прут, неужто какую-то безделушку спрятать нельзя?

– Теоретически можно, – согласился полковник, – но степень риска 50 на 50. А вдруг на таможне обнаружат? Пусть даже случайно? И накроется медным тазом не только кропотливый труд по добыче этого важного стратегического секрета, а и вся агентурная сеть, которая создавалась, внедрялась и обкатывалась, поверь мне, много-много лет. Мы на такой неоправданный риск не идем. Они, – полковник кивнул головой, указывая куда-то за окно, – вероятно, тоже. Бывают, правда, исключительные обстоятельства, но обычно такие маршруты доставки налаживаются годами и берегут их как зеницу ока. Но дело не в этом. Это так – теория. – Полковник долил себе сока и сделал большой глоток. – А на практике получилось так, что в тот самый момент, когда мышеловка уже была готова захлопнуться, в ней никого не оказалось.

– То есть?

– Этот хитрый и предусмотрительный человечек в спешном порядке прекратил свои отношения с наркоторговлей и оружием. И прибывшая в Москву партия героина, за которой аккуратненько шли наши ребята, несколько дней пролежала в укромном месте, а потом таким же путем двинулась в обратном направлении.

– Ого! – искренне удивился Оршанский. На его памяти такого, чтобы не являлись за товаром, еще не было. – Спугнули? Или почуял что? Может, наши ребята шли по следу не так уж и осторожно?

– Вряд ли, – усомнился полковник. – С чего бы им скрывать факты? Тем более что в связке с ними работали и другие отделы. Тут дело скорее в другом. Скорее всего – неудачное стечение обстоятельств.

– В каком смысле? – не понял Александр.

– Без сомнения, что о левых делишках своего подопечного узнали не только мы, но и его хозяева. И тут же крепко дали ему по рукам, чтобы не засветить такой канал и не спалиться на какой-то ерунде. И он тут же резко пообрубал все ниточки и концы. Напрочь. Случись это неделей позже – ты бы сейчас здесь не сидел, а так – все капканы оказались пустыми. – Полковник разочарованно вздохнул.

– И что, об этом поставщике секретов так ничего и не известно? – осведомился Оршанский.

– Нет. – Вячеслав Генрихович печально покачал головой. – Кроме одного: он – циркач.

– Циркач? – поразился Оршанский.

– Да. Работает в цирковой труппе. В летний сезон этот коллектив в основном гастролирует за рубежом. Команда хоть и сборная, но в основе своей – постоянная. На каждую гастроль берется по два-три новых номера, а остальной репертуар – накатан и отыгран многократно. Завтра эта труппа выезжает с гастрольями на Кипр.

– А что еще известно об этом человеке? – обреченно поинтересовался Александр, понимая теперь, для чего его вызвал Вячеслав Генрихович.

– Ничего. – Начальник отдела развел руки в стороны. – Тебе и предстоит это выяснить.

– Вячеслав Генрихович... – начал было Александр, но Шапошников перебил его.

– Знаю, что цирковые – люди консервативные и подозрительные. Ты поедешь в качестве журналиста от солидного столичного журнала. Цель – написать серию очерков о гастрольях российского цирка и артистах труппы. Вот тебе, кстати, список тех, кто едет на гастроли, от директора до униформистов. Знакомься, наводи контакты, входи в доверие...

– Шестьдесят семь человек! – ужаснулся Оршанский.

– А что делать? – пожал плечами Вячеслав Генрихович. – Жизнь такая... И потом, от тебя никто не требует немедленного результата. Твоя задача – осторожно, просто крайне осторожно прощупать коллектив и очертить круг хотя бы в полтора десятка возможных подозреваемых. Сегодня окончательное утверждение номеров, а завтра вечером труппа вылетает из Шереметьева-2 чартерным рейсом. С директором труппы обо всем договорено. Ты с ними и полетишь, и жить будешь в одной гостинице, и работать, и отдыхать. Если надо, и клетки почистишь. Одним словом – на неделю ты становишься цирковым. Смотри, анализируй, учись, спрашивай. Помимо всей труппы присмотришься к некоему иллюзионисту Вольдемару Жозеффи и дрессировщику Константину Заметалину. К ним у меня интерес несколько больший, чем к остальным.

– Есть какая-то информация? – профессионально насторожился Оршанский, быстро черкая карандашиком в блокноте, но Вячеслав Генрихович сразу остудил его любопытство.

– Ишь ты, какой приткий! Вынь да положь ему все на блюдечке. Информация кое-какая есть, но только я не уверен в ее достоверности, для того тебя и посылаю, и фамилии тебе даю. А больше меня ни о чем не пытай. Не знаю. Сам добывай. На то ты и есть сотрудник российской ФСБ.

– Оружие?

– Какое оружие? – Полковник испуганно замахал руками. – Главное твое оружие – голова и осторожность. Я не исключаю возможности, что наши ребята если и не спугнули его, то заставили насторожиться. Поэтому осмотрительность и еще раз осмотрительность! Используй свой «метод аналитического внедрения», – подбодрил его начальник отдела, – а он здесь будет просто необходим.

– Какой еще «метод аналитического внедрения»? – не понял Александр.

– Твои романы, – мягко улыбнулся Шапошников, – ты у нас относишься к вымирающему клану холостяков, так что ревновать тебя будет некому. Давай-давай, иди. – Вячеслав Генрихович нетерпеливо махнул рукой, выпроваживая Оршанского из кабинета. – Не мешай работать. Я тебе уже сказал все, что сам знал.

– Понятно, товарищ полковник.

– В 248-й комнате сдашь свои документы и получишь новые, вместе с билетом, журналистским удостоверением и всем остальным.

– Связь?

– Я сам тебя найду, когда понадобится.

– Разрешите идти?

– Иди, Саша, готовься. Задача у тебя будет не из легких... – Вячеслав Генрихович потечески напутствовал своего подчиненного. – Удачи тебе и нам всем.

Глава 2

Насчет «служебных романов» Вячеслав Генрихович был прав: получая подобного рода задания, Александр частенько заводил мимолетные романы, но вовсе не для того, чтобы использовать своих пассий в корыстных целях, хотя частенько выходило именно так. Просто на его пути по странным стечениям обстоятельств постоянно попадались очень симпатичные женщины, которые довольно легко позволяли такие романы завести и также быстро сворачивали последующие отношения. И только тогда, когда с очередной кратковременной попутчицей Александра больше ничего не связывало, он позволял себе использовать в своих отчетах некоторые женские наблюдения и откровения. Одно дело – рапортовать, скажем, об ученом-полярнике, который по какой-то причине попал в поле зрения ФСБ, ничего, по сути, об этом человеке не зная. На зимовку на Северный полюс к нему не напросишься и не навяжешься. И совсем другое – когда ты, скажем так, был очень близок и откровенен с женой, а лучше – с несколькими женами этих самых полярников. Сразу отчет становится более выпуклым, значительно богаче, и от этого начинает сильно выигрывать в профессиональном плане. Нужно только в женской трескотне отделить зерна от плевел, а это Александр умел делать, пожалуй, как никто другой.

Непонятно только, как об этом узнал Вячеслав Генрихович? Как он это обозвал? «Метод аналитического внедрения»? А что, неплохо звучит.

Впрочем, долго ломать голову над тем, откуда Шапошникову известно о похождениях капитана в многочисленных командировках, Александр не стал. Не такая уж это и большая тайна, да и по службе начальнику отдела ФСБ положено владеть кое-какой информацией о своих подчиненных. Гораздо важнее сейчас было, сориентировавшись на месте, понять, о чем вообще недавно вел разговор Вячеслав Генрихович и материалы какого рода от него ждут. Ведь не о манеже, в самом деле, клоунах и акробатических номерах предстояло выяснить! Да и писать тоже надо было. Хотя бы делать вид, коль уж по легенде он – журналист.

Однако Оршанский чувствовал, что есть тут какая-то зацепка. На что-то Шапошников намекал. Но вот почему точную наводку не дал? Не уверен был, или это один из его методов воспитания навыков разведчика? Ищи, мол, если ты профессионал.

Отложив выяснение этих вопросов на потом, Александр, сразу по прибытии в цирк на Вернадского, направился в кабинет директора труппы, на двери которого висела табличка: «Начальник АХО», а попросту – завхоз. По суетливому рабочему беспорядку, царившему в помещении, Александр понял, что директор – человек тоже временный и к Новому цирку вряд ли имеет какое-нибудь отношение. Скорее всего, он, как и вся его разномастная труппа, назначен на эту должность на время гастрольного периода.

– Мне о вас говорили, – коротко кивнул головой толстенький крепыш, протянул руку, представился: – Кислицкий, – и тут же выбежал из кабинета, ничего больше не спросив и не сказав. Через минуту из динамиков связи грянула музыка, возвещающая о начале парад-пролога, и Александр понял, что директора он больше не дожидается: на арене начался последний прогон, в ходе которого будет окончательно сверстана программа предстоящего турне.

Оршанский не долго терзался угрызениями совести. Он выглянул в коридор, убедился, что поблизости никого нет, и спокойно занялся осмотром директорского кабинета. Александр даже не подумал, что делать такие вещи – нехорошо. Просто сработала профессиональная привычка: его работа как раз и заключается в том, чтобы совать нос туда, куда не следует. Конечно, если есть такая возможность. Он даже не знал, что ищет. Да, в общем-то, он ничего и не нашел: никаких личных дел или компрометирующих документов в директорском столе не было. Единственное – это программа будущих гастролей, где против нескольких номеров стояли вопро- сительные знаки, да список артистов будущей временной труппы с их адресами и номерами

мобильных телефонов. Оршанский достал блокнот, выписал в него несколько номеров, двинулся по бесконечно петляющим коридорам на звук оркестра и уже через несколько минут уселся в одно из кресел пустого зрительного зала неподалеку от грозной комиссии инспекторов.

Ничем оригинальным программа не отличалась – обычная солянка из акробатов на подкидных досках, пары канатоходцев с першами, клоунами-эквилибристами, жонглерами, музыкальными гимнастами-эксцентриками и дрессированными собачками. Впрочем, работали артисты довольно профессионально, и даже на привычные номера смотреть было приятно. А вот когда шпехшталмейстер объявил номер Вольдемара Жозеффи, Александр весь подобрался. Во-первых, он с детства любил всякие фокусы и обожал смотреть выступления иллюзионистов, а во-вторых, вслед за одетым в традиционный смокинг и цилиндр Жозеффи из-за кулис появилась изящная, очень миловидная и фигуристая ассистентка, на которой вполне можно было опробовать «метод аналитического внедрения».

После нескольких виртуозно исполненных фокусов на ловкость рук, униформисты выкатили на середину манежа черный ящик, на котором лежала бензопила, которой, судя по всему, мистер Жозеффи собирался расчленить свою прелестную ассистентку. Однако, помимо режущего агрегата, было в этом номере и другое новшество. Сам процесс разрезания фокусник решил производить не на арене, а под самым куполом цирка, почти на тридцатиметровой высоте.

И тут, как это с ним часто случается, Александру пришла в голову хулиганская, может быть, не совсем порядочная, но, как впоследствии оказалось, единственно правильная мысль. Он быстро достал из кармана свою записную книжку, перевернул несколько страниц и набрал нужный номер.

Получилось даже лучше, чем он ожидал. В ту самую минуту, когда смолк оркестр, оружие из фильмов ужасов перестало жутко визжать, а половинки ящика с руками и ногами стали медленно разъезжаться в стороны, на этой верхотуре, в самый кульминационный момент зазвучала веселенькая мелодия из давно забытой передачи «В гостях у сказки».

Эффект был поразительный. В цирке сначала воцарилась такая тишина, что было слышно, как за кулисами нервно ворчат дрессированные песики. А потом все, кто наблюдал эту ситуацию, включая и уважаемых членов комиссии, грохнули разухаристым хохотом. Мелодия, впрочем, звучала недолго. Рука распиленной, но все еще живой девушки нырнула куда-то внутрь половинки и отключила мобильник, но этого короткого звоночка было вполне достаточно: цирк давился смехом.

Александр точно не знал, то ли его проказа скомкала выступление, а может быть, этот номер с распиливанием был в программе иллюзиониста Жозеффи последним, но, так или иначе, расстроенный факир и его юная ассистентка спустились на манеж, неуклюже поклонились и быстро покинули манеж под аплодисменты редкой, но чрезвычайно довольной публики.

Выждав секунду, Оршанский встал и отправился за кулисы. Сам нахулиганил, самому теперь предстояло спасти бедную девчущку. Наверняка господин Жозеффи не оставит безнаказанным такой прокол. И точно. На пяточке сразу за массивным занавесом царил невообразимая толчея и хаос: готовились к выступлению эквилибристы на оригинальных велосипедах, нервничали коверные, коверкая непривычные английские слова, и от этого раздражаясь еще больше, тьякали загнанные в угол собачки с огромными бантами, униформа подтаскивала поближе подкидные доски для участников следующего номера, а чуть поодаль маячили две фигурки – злобствующего наставника и нашкодлившей ученицы.

Девушка и в самом деле была очень юна. Очевидно, она только в этом году закончила цирковое училище и подалась в ассистентки. Конечно, дипломная работа у нее была, но, скорее всего, номер оказался не очень интересный или затертый, а может, девушку так и протаскивали через весь курс обучения как помощницу: кто-то ведь должен в цирке быть и на вторых ролях, а не примами. Так или иначе, но оказалась она в ящике господина Жозеффи. И это свое

первое, пусть и не публичное, но очень важное выступление – провалила. Александр видел, что девушка готова вот-вот разрыдаться, и поспешил на помощь.

– Извините, что прерываю ваш разговор, – вежливо вмешался в экзекуцию Оршанский, – но, являясь поклонником вашего таланта, господин Жозеффи, хочу поздравить вас с прекрасным выступлением! – Александр галантно протянул иллюзионисту скромный букетик, который он заранее купил на выходе из метро. Чувствуя издевку или подвох, раздосадованный фокусник почти прорычал ответное «Спасибо», и цветы демонстративно не взял.

– Вы были бесподобны. – Оршанский переключился на девушку. – Комиссия была в таком восторге, что стала совещаться, не посоветовать ли вам оставить этот прием с музыкой в номере. Только мелодию, естественно, заменить на такую, которая более знакома киприотам. – Он сунул букетик ассистентке и нахально представился: – Александр. Александр Борисович Оршанский. Журналист и ваш почитатель.

– Спасибо. – Девушка машинально взяла отвергнутые партнером цветы. – Это случайно произошло, – начала оправдываться она, – честное слово! Я ждала очень важного звонка и... жутко волновалась. Больше такого не повторится. – Она перевела затравленный взгляд на своего работодателя. Тот только криво усмехнулся, но отчитывать при Александре девушку больше не стал.

– Да вы что! – Оршанский инициативно заступался за девушку. – Это было настолько... э-э-э... неожиданно, настолько, я бы сказал, экзотично и к месту! Знаете, когда в момент наивысшего напряжения идет вдруг эмоциональный слом, – Александр льстил напропалую, но Жозеффи надо было задобрить, да и союзники ему не помешают, – это очень высокое искусство. Да и потом – смешно же ведь, в самом деле!

– Спасибо. – Девушка слегка улыбнулась, выслушивая яростное и хвалебное выступление журналиста.

– Я не клоун, – чуть более миролюбиво, но все еще с раздражением бросил фокусник, извинился и отошел к артисту-дрессировщику, который держал на коротком поводке большого медведя.

– Зря он сердится, – миролюбиво произнес Оршанский, оставшись наедине с девушкой, – я ведь не подтруниваю. Со стороны виднее, и ваше выступление вызвало настоящий фурор, честное пионерское!

– Спасибо, – еще раз поблагодарила девушка и наконец протянула руку: – Изольда.

– Изольда, э-э-э-э...

– Изольда Гальчевская.

– Александр, – еще раз представился Оршанский и добавил: – Папа ваш, очевидно, большой оригинал. Я это к тому, что имя у вас не совсем обычное, – корректно поправился журналист.

– Я знаю, – снова улыбнулась девушка, очевидно, зная, что такой, как у нее, улыбкой можно расположить к себе кого угодно. – Цирковые часто выбирают себе не совсем обычные имена. – Она немного посторонилась, пропуская униформу с очередным агрегатом. Александр вежливо подхватил девушку под локоток и попятился от униформистов в сторону фокусника и дрессировщика, которые горячо о чем-то заспорили, яростно жестикулируя.

– А вы из цирковых? – вежливо продолжал беседу Оршанский, продолжая осторожно и незаметно подступать к разгоряченным мужчинам.

– Да, – откликнулась Изольда. – Мой папа выступал в группе воздушных гимнастов под руководством Олега Яковлевича Лозовика и все мечтал, что я пойду по его стопам. Вот и дал мне имя с прицелом. Только я цирком не болею, – со вздохом произнесла девушка, – во всяком случае, не в такой степени, как мой родитель.

– Если у нас все получится так, как мы задумали, – подбравшись довольно близко, Александр расслышал голос дрессировщика, – то обогатимся так, что на несколько лет хватит! Ты, главное, не дрейфь! За это хорошо заплатят!

– Я и не сомневаюсь, – отозвался Жозеффи, – обязательно получится. Бездарь! – гаркнул иллюзионист, заметив подкрававшихся Изольду и Александра. – Иди хоть грим сними! Разулыбалась, понимаешь... – И, слегка приобняв сотоварища за плечи, увел того подальше в хитро-сплетение служебных коридоров.

– Хам, – безобидно отозвался на реплику фокусника Оршанский, пытаясь снивелировать ситуацию, но ассистентка не нуждалась в приободрении и сама яростно встала на защиту своего патрона:

– Никакой он не хам. – На бледных от пудры щеках проступил румянец. – Вы просто не знаете, какой Владимир замечательный человек. Он самый достойный из всех артистов! Ему просто не всегда везет, и фамилия у него, к сожалению, не Кио. Он всего добивается сам. О нем еще узнают, вот увидите!

– Я вам верю, – охотно согласился Александр и спросил: – Вы не против, если я к вам набьюсь в друзья? Дело в том, что я лечу с вашей труппой на Кипр, а поскольку я никого не знаю, то прошу вас быть моим гидом. Взамен могу предложить быть гидом по Кипру. Идет?

– Идет, – тряхнула кудряшками Изольда. – До встречи в аэропорту.

Оршанский был дальновиден. То, что ассистентка по уши влюблена в своего кумира и работодателя, было видно с первого взгляда, и «метод аналитического внедрения» в данном случае был неуместен. А вот покровительственная дружба – это как раз то, что надо.

«Интересно, – подумал Александр, досмотрев остаток номеров и выбравшись на жаркую московскую улицу, – о каком обогащении шептались дрессировщик с фокусником? Они вроде бы не члены правительства, командировочные у них аховые, на них несколько лет никак не протянешь. Странно... Ну да ладно, будет день, будет пища».

Глава 3

Впрочем, насчет дня Оршанский сильно погорячился. Работать вслепую Александр не любил. Начальник отдела не дал ему никаких зацепок, значит, их надо отыскать самому. Поэтому, добравшись около девяти вечера домой, Саша быстренько прибрал свою холостяцкую квартиру, договорился с соседским мальчонкой Костиком насчет своей кошки – все ж таки уезжает почти на полторы недели, плотно поужинал, вооружился банкой гранулированного кофе и уселся за компьютер. Время поджимало, поэтому иного способа узнать об артистах труппы, кроме как воспользоваться услугами Интернета, у журналиста не было. Можно было, конечно, обратиться за помощью в родную организацию, но на получение допуска к информации и личным делам нужно было время. Да и не факт, что все персоналии труппы проходят в ФСБ. Вряд ли что-то или кто-то из артистов мог заинтересовать столь могущественную организацию. Разве что в необозримо отдаленном прошлом.

Вообще-то сыщиком Александр всегда был никудышным – бегать по городу, вынюхивать факты, часами сидеть в засаде и выискивать компромат, как это иногда делают его коллеги по цеху, – это было не в характере Оршанского. А вот если необходимо поковыряться во Всемирной паутине – тут уж ему не было равных. Он, как заправский золотоискатель, мог часами терпеливо перемывать тонны ненужной, на первый взгляд – совершенно пустой информации, выискивая микроскопические золотые песчинки. Но когда эти крупинки складывались воедино, результат, как правило, получался ошеломляющий. Сутки во Всемирной паутине экономили Оршанскому неделю бессмысленного мотания по городу. Он четко определял местонахождение золотоносной жилы и далее копал уже целенаправленно и точно, зачастую даже не выходя из квартиры.

На сей раз времени для поисков у Александра было мало, и он очень надеялся, что про цирковых в Интернете окажется не так уж много материалов. Сам по себе цирк – организация довольно консервативная и, если можно так выразиться, «клубная». Чужакам туда дорога закрыта, да и сами цирковые крайне редко выносят сор из избы. К тому же имя Вольдемар Жозеффи должно быть и вовсе большой редкостью. Так что Александр рассчитывал за парутройку часов просмотреть все материалы и выудить самые необходимые и интересные факты о нем, его ассистентке и друге-дрессировщике Константине Викентьевиче Заметалине. Однако все оказалось не так просто.

Помимо всякой ненужной чепухи, цирковая фамилия Жозеффи всплыла еще с конца XIX века. И принадлежала, между прочим, популярным тогда цирковым артистам. Имел ли к ней какое-нибудь отношение Вольдемар Жозеффи (он же – Владимир Жеребцов) – было неизвестно. Но если поверить словам Изольды, что иллюзионист не имеет за плечами родословной и всего добывается сам, то, значит, этот Жеребцов просто взял и присвоил себе известную старую цирковую фамилию. Само по себе это, может быть, и не есть хорошо, но ничего предосудительного в этом тоже нет. Цирковые сплошь и рядом меняют имена, становясь вместо Жени – Джорджами, вместо Кать – Катринами и вместо Королевых – Лапиадо.

Александрю такое вольное обращение с именем и фамилией никогда не нравилось. Особенно после того, как его юный сосед-нэпман Петька взял бы себе фамилию Путин и стал Петром Владимировичем Путиным. А на вопрос: «Вы, случайно, не...» – только загадочно улыбался, мол, мне не совсем удобно об этом говорить и так далее. Пропиарилось юное чмо конкретно. И хотя как был он Петькой Дубинкиным, так им и остался, Оршанскому такие выкрутасы претили. Но, как говорится, это уже дело личного вкуса. К ответственности за такие штучки людей не привлекают.

Подробно ознакомившись с подноготной старой цирковой фамилии, Александр долго шарил по Всемирной паутине в поисках следов пребывания на земле их незаконнорожден-

ного отпрыска Вольдемара. Но это оказалось не так просто. Отпрыска словно никогда не существовало. И лишь под утро, выпив добрую канистру крепкого кофе и надымив так, что кошка жалобно выла, моля выпустить ее хотя бы на балкон, Оршанский наткнулся на бледную статью в какой-то малознакомой ему периферийной газете. Изложенные в ней пикантные факты непосредственно касались недавних гастролей иллюзиониста по Дальнему Востоку, но к предстоящему визиту на Кипр имели весьма опосредованное отношение.

В силу своей профессии Александру Оршанскому частенько приходилось прибегать к помощи Интернета, и еще в самом начале своей служебной карьеры несколько раз серьезно прогорев на недобросовестных, непроверенных, а то и просто выдуманных фактах, которые безответственные журналисты с легкостью размещали во Всемирной паутине, Александр не очень верил в правдивость той или иной информации. Сегодня в погоне за рейтингом даже весьма уважающие себя издания (а статью о Вольдемаре Жозеффи поместило на своем сайте издательство, претендующее именно на такое звание) частенько опускаются ниже уровня городской канализации.

В конце концов, эту заметку на сайт газеты могли повесить и завистники-конкуренты, которые метили на Кипр вместо Жозеффи. Пасквиль этот вовсе не касался профессиональных качеств иллюзиониста. Наоборот. Злопыхатели попросту вытащили на свет грязное белье господина Вольдемара, а перед поездкой за рубеж личные моральные качества всегда имели гораздо больший приоритет, чем профессионализм. Фокусники еще ведь и отличные психологи и манипулировать умеют не только на манеже...

Так что тут, как говорится, надо держать ухо востро. Тем более что никаких иных, даже косвенных, подтверждений этих сведений Оршанский нигде больше не нашел. Впрочем, как и других материалов о жизни и творчестве господина Жозеффи. Скорее всего, что и сам Шапошников не располагал сколько-нибудь вразумительной информацией ни о биографии факира, ни о трупке, ни о гастролях, а просто в очередной раз положился на свой феноменальный нюх и на то, что его проверенный и опытный подчиненный грамотно ориентируется на месте и добудет всю необходимую информацию. Только, похоже, на сей раз обоняние Вячеслава Генриховича дало сбой. Интернет не подкинул Оршанскому даже намек на какую-нибудь зацепку. Так, газетная возня.

Александр с наслаждением потянулся, хрустнув затекшими сочленениями, выключил компьютер, наскоро позавтракал, законсервировал квартиру, перекрыв воду, газ и отключив электричество, быстро собрал небольшой дорожный чемоданчик, еще раз справился о своей кошке и сунул ее в небольшую клетку, к соседу.

– Костик, присмотри за дамочкой. – Оршанский без лишних объяснений вручил мальчишке свою единственную пока спутницу жизни. – Я дней на десять смотаюсь из города. Это на корм. – Оршанский сунул сорванцу щедрую взятку и, не дожидаясь реакции, направился вниз по лестничной клетке. Пора было двигать в аэропорт.

Глава 4

– Так, мужички, – со вздохом обратился начальник таможенной смены к свободным от вахты подчиненным, – отдыха не получится. Цирк приехал. Надо помочь, а то запарятся ребята.

– Какой цирк? – сразу не поняли сотрудники, которые всего пять минут назад удобно устроились перед экраном телевизора.

– Наш российский цирк, – весомо растолковал начальник смены. – Летят на гастроли чартерным рейсом Шереметьево-2 – Ларнака. И у меня такое ощущение, что все свое сценическое барахло они тащат с собой. – Он смотрел через стекло сверху на разномастную, пеструю и возбужденную публику под названием «артисты цирка», которые сейчас напоминали невероятных размеров цыганский табор. – Интересно, медведя они как багаж оформили или с собой потащат?

– В самолет? – вяло и безрадостно поинтересовались сотрудники, нехотя застегивая мундиры. Погранично-таможенный досмотр такого рода коллективов всегда непереносимая мука.

– И постарайтесь, мужички, пропустить их побыстрее, – напутствовал начальник. – Если мишка решит очистить свой пищевод прямо здесь, то мы не отмоемся. Пусть уж он лучше самолет пометит.

Мысль о предстоящем авиашоу слегка развеселила таможенников, и они направились в сторону галдящей толпы и огромной кучи барахла, которое нужно было осмотреть.

Гвалт в Шереметьево-2 стоял такой, что у Александра, который ночью так и не сомкнул глаз, уже минут через десять сильно заныло в затылке. Как выяснилось позже, всю основную часть циркового оборудования и технических средств планировалось заранее отправить через одесский порт, а труппа со своим самым хрупким и дорогостоящим реквизитом должна была прибыть самолетом как раз к тому времени, когда их разобранный цирк, проделав путь по Черному и Средиземному морям, прибудет в Ларнаку – место предстоящих гастролей.

Однако то ли политики Украины и России не поделили что-то в очередной раз, то ли у самого черноморского пароходства что-то не сложилось, но так или иначе, а в морском судне циркачам было отказано. Груз спешно возвратили в Москву, и вот теперь, помимо плотной платье-рубашечной толпы самих артистов, в специально отгороженном терминале возвышалась огромная гора сундуков, коробок, чемоданов и пакетов, шестов и рулонов материи, оркестрантских труб, осветительной и звуковой аппаратуры, плотных, толстенных жгутов электропроводки и еще бесконечного множества самой разной мелкокалиберной всячины.

Одним словом, перед задержанными таможенниками и грузчиками аэропорта Шереметьево-2 возвышался почти весь цирк шапито в полном автономном комплекте. А вокруг всего этого нагромождения реквизита бурлила, кричала, рычала, лаяла и мяукала пестрая публика и разношерстное зверье, осатаневшее от предпосадочной суеты.

– Хотел бы я посмотреть, как они с таким багажом взлетят, – пробормотал начальник смены и улыбнулся, представив лица летчиков, когда к их самолету доставят этот табор во главе с медведем. Впрочем, авиаторам еще только предстояло удивиться, а таможенники зашивались уже сейчас. Глядя на бестолковые, почти панические попытки своих подчиненных организовать хоть какое-нибудь подобие таможенно-пограничного досмотра, начальник поспешил на помощь.

– Табола, Бессараб и Давыденко, – зычно приказал он, едва появившись в терминале, – вы втроем организуете досмотр реквизита. Фефелов и Ивендигов – на осмотр личных вещей, Четвертков – на проверку документов и деклараций. Выполнять!

– А мне что осматривать? – жалобно глянул на начальника таможенник-кинолог, оставшийся без задания.

– А нам с тобой и с Мухтаром придется досматривать все, – сочувственно вздохнул начальник смены.

– Все вот это? – недоверчиво переспросил подчиненный, растерянно оглядывая нагромождения баулов и тюков.

– Все вот это, – подтвердил старший, – и без задержки. Из-за нашей нерасторопности рейс никто отменять не будет.

Снабженные четкими инструкциями таможенники разбились на группы, каждая занялась своим фронтом, досмотр наконец приобрел упорядоченный вид, и работа стала продвигаться значительно быстрее.

Александр, который не имел при себе почти никакого багажа, одним из первых выскочил в накопитель и сразу же отправился лечиться к барной стойке. Спустя несколько минут в холле появилась Изольда, и Оршанский благожелательным кивком головы пригласил девушку составить ему компанию.

– Что будете пить? – поинтересовался журналист, пододвинув ассистентке иллюзиониста меню. – Мне, пожалуйста, кофе, двойной и без сахара, – заказал он и пояснил, обратившись к Изольде: – При виде хаоса у меня начинает болеть голова. Кофе помогает. А вы в первый раз едете за границу? – вежливо поинтересовался Александр.

– Да, – кивнула головой девушка, внимательно изучая список коктейлей. – В детстве отдыхала с мамой в Болгарии, но это я не считаю. Мне тогда было восемь лет.

– Тогда вам нужно выпить бокал шампанского, – подсказал Оршанский, наблюдая за затруднениями ассистентки. – Такова традиция для тех, кто впервые покидает Родину. Я закажу, если вы позволите?

Изольда благодарно кивнула и нервно глянула на часы. «Пунктуальна, порядочна, ответственна», – тут же констатировал про себя Оршанский, наметанный глаз которого тотчас же отметил эту особенность характера молодой артистки, меньше всех ответственной за что бы то ни было.

Беспокоилась она, однако, напрасно. Таможенники довольно оперативно организовали четкую и быструю работу. Турникет методично вращался, и накопитель, словно карманы вора, методично наполнялся артистами труппы. Однако самый сложный этап досмотра был впереди.

Работать с домашними животными сотрудники пограничной службы уже привыкли. В последнее время количество пассажиров, не желающих расставаться в полете со своими питомцами, намного увеличилось. Веяния моды. Крупнее козы, однако, на борт авиалайнеров до сих пор никто не ступал, и досмотр, как для таможенников, так и для их четвероногого помощника, особых затруднений не представлял. У собак – намордники, у кошечек и морских свинок – бантики, а с птичками и мышками вообще проблем не было.

Совсем другое дело почти двухсоткилограммовая туша медведя. Животное хоть и цирковое, хоть и в клетке, но назвать его домашним никак было нельзя. Как известно, хозяин русского леса – натура очень тонкая и впечатлительная. То вдруг захочет на балалайке поиграть, а то внезапно нападет на животинушку и оттяпает зверюга в сердцах руку или ногу у первого встречного. На то он и хозяин. И россиянин.

А тут непонятная, нервно-дерганая обстановка досмотра. Шум, гам и никаких аплодисментов. Таможенникам бы догадаться и пропустить мишку в первую очередь, но они вполне справедливо предположили, что возни со зверем будет много, времени это займет целую уйму и без какого-либо злого умысла взяли да и отодвинули клетку с косолапым в самый конец очереди.

– А ведь взбунтуется мишка, – качнул головой Оршанский, заранее сочувствуя предстоящей миссии таможенников.

– От Антона Павловича они сегодня точно натерпят, – согласно кивнула головой собеседница, – она, если рассердится, спуску никому не даст.

– Она, Антон Павлович, никому не даст спуску? – Александр непонимающе отвлекся от предстоящей баталии. – Это вот вы сейчас о ком говорили?

– О медведице, – ответила Изольда, наблюдая, как таможенники напряженно готовятся к предстоящему штурму.

– А почему «Антон Павлович»? – поинтересовался Оршанский, который скрепя сердце понимал физиологические отклонения у людей, но совершенно не воспринимал таковые у животных. – Ваш Заметалин – он что, из «французикиков»?

– Вы в своем уме? – поставила неутешительный диагноз журналисту девушка. – Дрессировщик – и голубой?

– Ну, я не сказал «голубой», – немного смутился Александр, – хотя... Мысль довольно интересная...

– Фи! – Изольда передернула плечами и расставила точки над «i». – Просто Заметалин родом из Златоуста и обожает Чехова. А поскольку медведей-мужчин у него нет, то он и назвал...

– Понят...

«Р-р-р-р-ха-ау!!!» – половая плитка бурно разнесла по аэропорту предупреждающий рык раздраженной медведицы, и в зале ожидания наступила такая тишина, словно сейчас должны были сообщить о задержке всех рейсов в связи с непредвиденными природными катаклизмами на островах Зеленого Мыса.

«Р-р-р-р-ха-а-а-ау!» – второе воинственное предупреждение долго блуждало по безмолвным залам аэровокзала и утихло где-то в районе женского ватерклозета.

– Ой, ребята, – сочувственно качнул головой Оршанский, – лучше дали бы вы этой мохнатой женщине погремушку и шли бы восвояси. А то, не ровен час...

У таможенников, однако, на этот счет имелось свое собственное мнение и, полные решимости исполнить свой служебный долг как требуют того инструкции, решительно направились к примадонне.

Притихшая на время Антон Павлович благодарных зрителей в таможенниках не увидела и при их приближении с такой силой бросила на прутья клетки свои четверть центнера, что невольно заставила уважать свое женское начало даже сидящего в безопасном удалении Александра. После этого медведица не металась по клетке, не вставала на задние лапы, не скалила зубы – она замерла посреди небольшой клетушки, ясно давая понять, что первый, до кого она дотянется сквозь прутья решетки...

Первой это почувствовала служебная собака пограничников. Овчарка, почувствовав исходящий от дикого животного запах смерти, сначала остановилась, ощерила пасть и, нешуточно вздыбив на загривке шерсть, попятилась назад, скользя когтями по неподатливой половой плитке. И когда непонятливый собаковод решительно потянул за ошейник, пес уселся на дрожащий хвост, вскинул морду к зеленым цифрам табло и завыл. Густой баритон одинокого индейца подхватила разногласица цирковых собратьев, и пассажирам, ожидающим своего рейса под куполом аэропорта Шереметьево-2, стало так неуютно, словно непрошенный катаклизм уже зародился здесь и начал свой разрушительный путь к островам Зеленого Мыса.

– Товарищи пограничники, – в нудной тишине голос Вольдемара Жозеффи, казалось, слышали все, – поверьте мне, как профессионалу: сейчас лучше не трогать ни медведицу, ни ее дрессировщика. – Иллюзионист кивнул в сторону Заметалина. – Вы можете испортить животное. И свое – тоже. – На сей раз подбородок махнул в сторону воющей овчарки.

– Наркотики, оружие, взрывчатые вещества и другие запрещенные к провозу предметы имеются? – вынырнули из временной комы таможенники.

– Хотя я уже и прошел ваш досмотр, но... имеются, – огорчился фокусник, доставая из боковых карманов своего пиджака два пистолета Макарова. – Однако, прошу заметить, мне

их подсунули вы и вот вы! – Он ткнул пальцем в таможенников. – Наша группа ничего такого провезти не пытается.

– Ну, вы, это... – растерянно улыбаясь пробормотали нерадивые сотрудники, обнаружив пропажу табельного оружия, – вы, товарищ-гражданин, того, даете... Прямо колдун...

Иллюзионист в ответ только покаянно пожал плечами, давая тем самым понять, что только он один с помощью своего волшебного цилиндра может пронести мимо любого досмотра хоть центнер героина, не говоря уж о каких-то двух «пээмах».

– Ладно, грузитесь, – констатировал начальник смены, жестом приказав своим подчиненным закончить обязательную процедуру.

Едва поводок овчарки позволил ей сделать шаг назад, как унылое собачье предзнаменование стихло, и под сводами аэровокзала зазвучало: «Внимание пассажиров, ожидающих посадки на рейс...»

– Таможня дала «добро»... – задумчиво констатировал Оршанский, черкнув несколько строк в своем старомодном блокноте.

– Однако интересный, видимо, фрукт, этот фокусник. – Александр задумчиво почесал подбородок, затем набрал на мобильнике номер и коротко приказал:

– Пожалуйста, на мой адрес всю информацию, которая есть по Вольдемару Жозеффи – Владимиру Жеребцову. До вечера.

Глава 5

Труппа, возбужденно толкаясь в узком проходе между креслами и не очень стесняясь в выражениях, рассовывала свои пожитки, заполняя сумками и чемоданами немногочисленные свободные места авиалайнера. Единственный знакомый человек среди всех пассажиров – Изольда Гальчевская – оказалась в другом салоне, поближе к пилотам, и скрашивать время в пути Александру предстояло с постного вида полнеющим гражданином лет сорока пяти. Впрочем, даже не по размеру большая футболка не могла скрыть его хорошо развитую мускулатуру.

«Мрачный фикус», – отметил про себя Оршанский, со скорбью представив невеселую перспективу предстоящих нескольких часов полета в обществе этого типчика. И поскольку печатных изданий, как профессиональный журналист, Александр не переваривал на дух, спать во время перелетов так и не научился, а единственное сносное развлечение во время вынужденного безделья – ноутбук – пока решил не вытаскивать на свет божий: не надо было концентрировать вокруг себя лишнее внимание. Все-таки ноутбук пока что роскошь, а не вещь для работы. Даже в журналистской среде. Оставалось одно: с идиотской заинтересованностью тарашиться в иллюминатор, изображая великого любителя перистых и кучевых.

Впрочем, был и другой, более привлекательный путь времяпрепровождения. И Александр, уповая на свои профессиональные качества, не колеблясь ступил на него.

– А Жозеффи-то ваш молодец, – запанибратски начал Оршанский, расправившись наконец со своим нехитрым скарбом и бочком протискиваясь к своему месту у иллюминатора. – Надо отдать ему должное. Если бы не он, таможенники бы нас могли еще не один час терроризировать. Хорошо сработал ваш кудесник.

Ничего. Ни один мускул не дрогнул на лице попутчика.

– Александр. Александр Оршанский, – журналист вежливо попытался зайти с другой стороны, – представляю средства массовой информации. Прикреплен к вашей труппе на время гастролей, чтобы, так сказать, трепетно живописать о возрождении государства в целом и возмужании российского циркового искусства в частности, – позволил ругнуть Александр, зная, что лучший способ развязать язык собеседнику – позволить поерничать над собой. Однако и эта полушутливая тирада не возымела на мрачного господина никакого влияния.

«Ну и фиг с тобой. – Александр презрительно фыркнул, четко разъяснив попутчику свое отношение к такому способу общения. – Муфлон. Хоть бы из вежливости назвал свое имя. Ладно, будем специализироваться на перистых».

Самолет меж тем резко взял с места, загрохотал шасси по бетонным стыкам взлетной полосы и через минуту, дернувшись, оторвался от грешной, резко взяв курс на небеса. За прозрачным пластиком медленно проплывали строения Шереметьева-2, уменьшаясь в размерах, и спустя еще какое-то время лайнер завалился на правый борт, ложась на курс к средиземноморскому островному раю.

Оршанский освободился от ремней безопасности, потянул на себя рычажок, и его кресло мягко подалось назад. Тупо пялиться в пейзажи облаков не было сил, и Александр смежил веки. Возможно, сегодня, после почти бессонной ночи, ему повезет и остаток тоскливого полета пройдет в спасительном сне.

– Прохладительные и горячительные напитки, – мягко проворковал в проходе угодливый голос бортпроводницы.

– Если можно, стаканчик нарзана, – откликнулся журналист на вежливый призыв. – Водка, знаете ли, в полете плохо действует на вестибулярный аппарат, – пошутил он, принимая из рук стюардессы пузырящуюся жидкость.

– Бутылку, – услышал Александр тихий баритон попутчика, который продолжал сидеть все с той же непроницаемой миной. – Водки. – Мужчина немногословно отверг предложенный бортпроводницей нарзан, добавив: – Два стакана и что-нибудь на закуску.

– Горячий завтрак у нас будет только через полтора часа, – немного растерялась стюардесса, профессионально соображая, как угодить клиенту.

Клиент, впрочем, оказался непривередлив. Приняв из рук служащей посуду и бутылку «Столичной», он наклонился над тележкой воздушной феи, выхватил несколько пакетиков с солеными орешками и печеньем и кивком головы отправил удивленную девушку дальше по проходу. Затем попутчик, огорошивший своим поведением не только бортпроводницу, но и Оршанского, откинул столик, выковырял из-под своего кресла небольшой потертый саквояж, извлек оттуда пахнущий аппетитными соблазнами сверток и повернулся к Александру:

– К сожалению, но из горячего могу предложить только еще теплую курицу-гриль. – Он по-хозяйски повернул заглушку, опуская перед изумленным журналистом его столик и водрузив на него один из пластмассовых стаканов. – Обойдемся холодными овощами и солеными орешками. – Мужчина деловито стал наполнять емкости, даже не спрашивая согласия журналиста. – Хруцкий. Игорь Вениаминович. Клоун, – коротко представился мужчина, приподнял свой предмет для питья, беззвучно чокнулся о край стакана Александра и провозгласил: – За знакомство.

От гипноза Оршанский оправился только тогда, когда сорокаградусная жидкость зашипела горло.

– Держи. – Фамильярно перейдя на «ты», клоун разломал на две половинки коричневого цыпленка, извлек из саквояжа стопку салфеток и положил их перед Александром. – Барышня! – громко позвал он не успевшую отойти далеко стюардессу. – Пожалуйста, организуйте нам с товарищем соли, – попросил он, перекладывая на столик Александра краснобокие помидоры и пупырышчатые огурчики. – Ну, пресса, давай-ка повторим, пока этот куряк окончательно не окошел. – Он снова наполнил стаканы, и на сей раз Александр с готовностью поддержал своего соседа по креслу. – А ты небось за начальство меня принял? – спросил Игорь Вениаминович, разделавшись со своей порцией спиртного и звонко захрумкав огурцом. – Ну, было такое?

– Признаться, в какой-то момент – было, – согласно кивнул головой Оршанский, – уж больно вы напоминали самодовольного надутого индюка.

– Так они такие и есть, – выказал свое отношение к начальству старый клоун. – Только тебе, как журналисту, положено бы знать, что бюрократы эти, даже самого мелкого пошиба, – уточнил он, – с пролетариатом на одном гектаре, извини, нужду не сядут справить, не то чтобы в одном салоне лететь. Спасибо, милочка. – Игорь Вениаминович принял соль из холеных ручек бортпроводницы и снова обернулся к Александру: – К твоей даме это не относится.

– К какой моей даме?

– К Изольде, – просветил Оршанского наблюдательный клоун. – Она не в счет, вольдемаровская пассия. А так – будь моя воля, располовинил бы самолет, как вот этого цыпленка, – он помахал перед журналистским носом обглоданным окорочком, – и весь носовой салон отправил бы в свободный полет.

– Даже невзирая на то, что там сидит безвинная девушка? – Как и Хруцкий, Александр слегка захмелел и болтал в охотку, пытаясь заручиться расположением этого человека. Старый клоун – это не юная и наивная выпускница училища, исполняющая скромную обязанность бревна под бензопилой. У таких зубров обычно вся труппа под колпаком. И далеко не одного российского цирка.

– Твоя Изольда – обычная молоденькая дурочка, – медленно проговорил Игорь Вениаминович, сосредоточенно разливая водку по стаканам, – влюбленная в своего патрона только за то, что он дал ей работу. И зубки у нее пока еще молочные. Но, как говорится, с кем пове-

дешья... Будь уверен, корреспондент, через пару лет эта милашка одним взмахом своих прелестных челюстей перегрызет тебе не то что глотку, а перекусит пополам. – Старый циркач посолил надкушенный помидор и слегка приподнял стаканчик. – Так что по поводу этого будущего хищника я не испытываю ни малейшего сожаления.

– При всем уважении к вашей точке зрения хочу, однако, заметить, – в голосе Александра зазвучали нотки провокационного вызова, – что даже такой мэтр, как вы, может ошибаться.

– Ну-ну, – ехидно произнес клоун и снова: – Ну-ну. Впрочем, я вполне допускаю, что и в среде профессиональных журналистов может процветать скудоумный интеллектуализм. Особенно в последние годы. Ничего, вот погастролируете с нами, посмотрите на закулисье, поживете среди нас, может, кое-что и поймете.

– А вы, кстати, в каком отеле останетесь? – поинтересовался Александр более насущными проблемами. – У вас места уже забронированы или будете расселяться по прибытии?

– Да, молодой человек, как это все печально... – грустно вздохнул Игорь Вениаминович, непонятно, правда, по какому поводу: то ли оттого, что быстро убывал сорокаградусный напиток, то ли по случаю профессиональной неотесанности собеседника. – В гостинице будет жить другой салон. А все, кто летит в этом, сотни лет жили, живут и будут жить в походных кибитках и фургончиках, которые в общем-то и именуется цирком.

– И у вас есть такой? – недоверчиво спросил Александр.

– Разумеется. – Старый клоун снова сосредоточился на законе уравнивания жидкости в сообщающихся сосудах.

– И-и-игорь Вениами-и-инович... – заискивающе начал было Оршанский, но циркач перебил, дружелюбно качнув стаканчиком:

– Живи, конечно.

Самолет снова заложил вираж, заходя на невидимую пока посадочную полосу аэропорта Ларнаки.

Глава 6

К трудоголикам Оршанский себя никогда не относил. И хоть слыл он среди своих коллег, да и вообще среди столичной фээсбэшной братии грамотным сотрудником, но работу и отдых всегда разделял четко и умело.

– Иначе, – наставлял он, бывало, молоденьких практикантов, – любой начальник, который думает только о своем повышении в звании, как он поймет, что на тебе можно ездить как угодно, все соки из тебя выжмет, а потом за ненадобностью переведет в отдел с бумажками работать: читать всякий стукаческий бред и составлять отчеты о съеденной за год картошке.

Поэтому будь ты хоть трижды разудачливый и талантливый сотрудник, когда беседуешь с начальством, ноги на стол, как это делают в штатовских фильмах, забрасывать не стоит – вряд ли это кому понравится. Однако и своими правами ни в коем случае нельзя поступаться. Таков мой принцип работы, – поучительно заканчивал Оршанский экскурс в профессию и обычно приглашал самую симпатичную практикантку из школы МВД в кафе или пообедать в ресторане. Недоедающие студентки обычно соглашались.

Сейчас же было самое время немного отдохнуть. Во-первых, определившись с жильем в вагончике-гримерке клоуна, Александр выгадывал не одну сотню «зеленых», выделенных ему редакцией на проживание. Уж в чем, в чем, а в российских туристах на Кипре никогда не было недостатка. Объясняешь соотечественнику ситуацию, соответственно, проставляешься, и он выписывает счет за свое проживание на твое имя. Слава богу, в хороших отелях не принято перечить клиентам. Назовись хоть Голопупенко, хоть Попандопуло – главное, что оплатил. Да и фээсбэшная бухгалтерия с администрацией пятизвездочных отелей связываться не рисковала и лишних проверок, когда это было возможно, не устраивала. Так что денег на хороший отдых Оршанский себе выкроил. Это, во-первых. Во-вторых, надо было прогуляться по свежему воздуху, может, даже искупаться, потому что после бессонной ночи и водочного полета голова напоминала набитый опилками мешок. И в-третьих, хоть Александр и нашел себе дармовое пристанище, однако, предположим, сиюминутно завалиться в кровать и выспаться он не мог по той причине, что жилья еще не было. Рабочие только-только приступили к сбору небольших вагончиков, в которых и должна была жить труппа.

Оршанский высмотрел в базарной суматохе старого клоуна, подошел к нему и осторожно тронул за плечо.

– Игорь Вениаминович, – заговорщицки прошептал журналист, – у меня благодаря вам сэкономилась некоторая сумма валюты. Давайте уйдем из этого вокзального гама, и я, насколько смогу, познакомлю вас с достопримечательностями этого неповторимого средиземноморского курорта.

– Спасибо, Сашенька, – вежливо откликнулся Игорь Вениаминович, зорко наблюдая за всеми передвижениями обслуживающего персонала, – в другой раз – всенепременнейше. Но пока мы с тобой не обеспечены жилплощадью, такой поход будет крайне неразумным.

– Да что с ней будет, с жилплощадью-то? – искренне удивился Оршанский. – Через час-другой соберут, попросим кого-нибудь присмотреть за пожитками, а сами хоть отдохнем за это время. Завтра поставят шапито, начнутся репетиции и выступления, когда еще свободная минутка выпадет?

– Нет, Саша, я педант, – решительно качнул головой старый циркач, – творческого бардака не приемлю. Вещей у меня хоть и не много, но у каждой есть свое место. Это даже не привычка, а годами отработанный церемониал. А время посетить местные достопримечательности мы с тобой обязательно найдем, – успокоил он журналиста.

В ответ Оршанский только тяжело вздохнул. Развернуться и уйти в солнечный город, навстречу лазурному морю и пляжам сейчас было бы по крайней мере нетактично. И хоть его дружбе с Хруцким и шел-то всего седьмой или восьмой час, все равно поступить вот так...

– А ты тут не торчи. – Игорь Вениаминович словно угадал чаяния молодого человека. – Ничего полезного, а тем паче – интересного ты сейчас не увидишь. Вокзальные крики да базарная ругань. Сходи искупайся, попей пивка, или чего тут модно пить?

– Вино, – отозвался Александр.

– Вот, – благодушно согласился старый клоун, – отведай нектара местного разлива. А вечером – милости прошу, так сказать, на новоселье. Я ведь гражданин эсэсэсера, старой закалки, одним словом. – Игорь Вениаминович слегка встряхнул свой походный саквояжик, в котором тут же многозначительно булькнуло и раздался глухой звон нескольких бутылок. – Неприкосновенный запас – дело святое.

– Не пойдет в такую жару водка, – с сомнением качнул головой Оршанский. – Может, купить чего полегче?

– Водка на то и водка, что всегда к столу, – поучал журналиста старый клоун, – а довериться местному разливу в первый же вечер – все равно что Родине изменить. Успеется, попробуем еще и местной бормотухи. Да иди ты уже, слушай, – неожиданно вскипел коверный, – не отвлекай бога ради! А то вон уже братья-акробаты всем своим многочисленным потомством прямо в наглуую рабочих перехватывают!

И Игорь Вениаминович с боевым рыком ринулся на чету акробатов-прыгунов с подкидными досками.

Оставшись не у дел, Александр пристроил свой чемоданчик рядом с вещами Хруцкого и неспешно двинулся изучать город.

На Кипре Оршанскому уже доводилось бывать дважды. Оба раза по служебным делам. Один раз в столице – Никосии, там проходила конференция уже не вспомнить и кого, и Александр готовил по ней материал. А второй раз – в Лимассоле, портовом городе-курорте, в порту которого произошел громкий скандал с нашим торговым судном, и Оршанского срочно отправили от журнала выяснить, в чем там суть инцидента.

И вот сейчас Александр неспешно отправился на прогулку по улицам Ларнаки, с удовольствием вдыхая пахнувший морем воздух, который после московского смога казался нектаром.

– Са-а-аша! Са-а-аша! Орша-а-а-анский!!!

Александр обернулся. Позади него подпрыгивал и дико размахивал руками Игорь Вениаминович.

– Что случилось? – обеспокоился Александр, чуть ли не бегом вернувшись к месту, от которого не успел еще далеко отойти. – Братья-акробаты забижают?

Игорь Вениаминович рассерженно махнул рукой, коротко бросив:

– Переезжаем.

– В каком смысле?

– В прямом. В Лимассол, – уточнил маршрут Хруцкий.

– Когда? – поинтересовался Александр.

– Прямо сейчас, – ответил старый клоун и добавил: – Хорошо, что ты далеко не ушел, а то искал бы ветра в поле...

– А что случилось-то? – Оршанский попытался добиться хоть какого-нибудь вразумительного объяснения, но коверный только пожал плечами.

– А я почему знаю? Дали команду: час на сборы и – в путь! На Лимассол! А вот с какой такой радости – это уж ты сам узнавай, – добавил Игорь Вениаминович, – на то ты и журналист.

– Лимассол так Лимассол, – безразлично пожал плечами Оршанский.

– Кстати, далеко до него? – поинтересовался Игорь Вениаминович.

– Километров сто, может, чуть больше. – Александр глянул на карту острова, которую успел купить в первом подвернувшемся сувенирном киоске аэропорта. – Минут за сорок доедем.

Глава 7

Спустя два часа кавалькада трейлеров вкатилась в небольшой курортный городок. В общем-то, небольшим, по островитянским меркам, назвать его было трудно. Крупнее его были только столица да Ларнака, из которой группа недавно так спешно ретировалась. Все остальные города были поменьше, да и выглядели поскромнее. Однако что такое для москвича город с населением в сто сорок – сто пятьдесят тысяч? Это не тянет даже на столичный микрорайон. Впрочем, это единственное, наверное, неудобство, которое может испытывать москвич, выросший и привыкший к постоянной муравьиной толчее столицы, попав в тихий и неспешный туристический рай.

Меж тем колонна автомобилей, объехав центр по району Потамос Йермасояс, двинулась в сторону туристической зоны.

– Здесь очень много русских. – Александр по ходу движения пояснял Игорю Вениаминовичу некоторые особенности здешнего курорта. В частности, присутствие над крышами кипрских домов российских триколоров. – Это, наверное, самый «русский» город на Кипре. Туристы – это отдельная статья. С ними все понятно. Очень много соотечественников здесь работают, – продолжал объяснения Оршанский. – В том числе и сезонно: официанты, танцовщицы-стриптизерши, экскурсоводы, аниматоры...

– Кто? – не понял Игорь Вениаминович.

– Аниматоры, – повторил журналист и объяснил: – Это что-то вроде наших «массовиков-затейников».

– Вроде нас... – ехидно ухмыльнулся Хруцкий.

– Потом, – продолжал Александр, не обращая внимания на клоунское самобичевание, – после первой волны «нахапавших», типа Березовского и Абрамовича, которые теперь пошли в Англию и во Францию, им на смену пришли другие нувориши, которые скупили здесь не только дома, но и другую недвижимость, вплоть до отелей, ресторанов, магазинов, начиная от самых престижных бутиков в центре и заканчивая небольшими сувенирными лавками для туристов. Большинство из этих «новых хозяев» живет, конечно, в России, но многие поселились и прямо на месте, так сказать, под оливковыми ветвями.

– Буржуи и отщепенцы, – едко прокомментировал монолог Оршанского Игорь Вениаминович, относя свои слова то ли к Березовским – Абрамовичам, то ли к разжиревшим богатеям вообще. В ответ Александр только снисходительно улыбнулся. Уж в своей практике таких людей ему пришлось повидать немало. Семена коммунистической справедливости и классовой нетерпимости трудно выводятся из сознания народа. Тем более что народ этот, который не «москвичи», живет, надо сказать, совсем не так, как преподносят средства массовой информации: мол, экономика стабильна, зарплата – ого-го! темпы роста – ой-ой-ой! рубль – эвона какой! Если бы...

Под неспешные комментарии Александра колонна достигла своего конечного места назначения и остановилась, выстроившись в ряд.

Будучи человеком неглупым, Оршанский догадался, что здесь, в Лимассоле, с разгрузкой сейчас будет происходить такая же петрушка, что и в Ларнаке, поэтому с молчаливого согласия Игоря Вениаминовича он пристроил свой скаруб рядом с пожитками старого клоуна и отправился в путешествие по одному из главных туристических городов Кипра.

Вживаясь в неспешный ритм отдыхающего города, Александр медленно прогуливался по улицам Лимассола, стараясь выбирать затененные места: все-таки после Москвы кипрское солнце пекло, казалось, нещадно. В общем-то, так оно и было. Электронный термометр на одной из гостиниц показывал плюс 32 по Цельсию.

Российского пива в продаже не было. Зато местное пиво (по туземному – кео) было пахучим и, главное, холодным. Освежившись, Александр направился к одному из ближайших отелей, искать соотечественников: надо было, не откладывая дела в долгий ящик, договариваться о гостиничных квитанциях, поскольку деньги, лежащие в кармане журналиста, теоретически все еще принадлежали редакции.

– Добрый вечер, – перешел Александр на английский, обращаясь к портье. – Я из администрации труппы российского цирка, – соврал журналист, зная, что служащие отелей редко нарушают одну из своих главных профессиональных заповедей: частная жизнь клиентов – это личное дело только самих клиентов, и добиться от них информации о постояльцах бывает крайне тяжело. – Мы только что приехали в ваш город, – продолжал заливать Оршанский, – сейчас расселяемся по отелям, а с завтрашнего дня начинаем выступления. Меня интересует, есть ли в вашем отеле русские? Сами понимаете, что наша программа рассчитана в основном на них и от количества проданных билетов зависит и наше жалованье... – Для большей убедительности Александр положил на бархатную поверхность стойки новенькую двадцатидолларовую купюру.

Киприот оказался весьма дружелюбным и сговорчивым малым. Изящным жестом он смел «зелень» в свой карман, а спустя минуту, порывшись в гостевой книге, выдал Оршанскому полную информацию о русскоязычных постояльцах его отеля.

– Не знаю, насколько господину будет интересно, – продолжал выказывать рвение портье, – но у нас живет русская аниматор. Насколько я знаю, она воздушная гимнастка. Может быть, она вам будет полезна?

– Аниматор-гимнастка? – заинтересовался Оршанский, зная, что массовиками-затейниками обычно работают менее профессионально подготовленные люди.

– Да, – подтвердил киприот, – она по вечерам выступает у нас.

– У нее что, своя цирковая программа? – удивился Александр хватке неизвестной гимнастки. Создать полуторачасовое представление, а еще и отработать его самому – это не шутки.

– Нет-нет, – портье помотал головой, – у нее несколько цирковых номеров. А выступает она у нас на дискотеке. Она вместе с другими аниматорами создала небольшое шоу, которое пользуется у наших клиентов популярностью.

– Еще одна просьба, – заинтересованно произнес Александр, извлекая из портмоне еще десять долларов. – Как ее зовут и где ее можно найти?

– Вероника Гогоберидзе, – с трудом произнес непривычную фамилию портье, глядя в книгу. – Через двадцать минут у нее начало выступления. Лучшего места для встречи вам не отыскать.

– Спасибо, – поблагодарил журналист и направился к выходу.

С чего вдруг Александру приспичило оставлять в своем скромном бюджете тридцатидолларовую брешь – этого он себе объяснить не мог. Скорее всего, оттого, что коль уж начал елозить, значит, будь добр до конца играть свою роль состоятельного русского антрепренера, потому как никакого особого интереса, а тем более дела к этой неизвестной Гогоберидзе у Оршанского не было.

«Надеюсь, портье подведет меня прямо к ней, – мрачно размышлял Александр, – а то, не дай бог, еще баксов двадцать сдерут за это бездарное представление. Да еще за дискотеку, пожалуй, потребуют... Вот, язык мой...»

Он сидел в небольшом ресторанчике прямо напротив прозрачного холла отеля, так что смыться незамеченным не было никакой возможности. Да и идти в другую гостиницу в поисках соотечественников, после произошедшего, не было никакого желания. В конце концов, здесь подмазано, и к этому малому можно будет еще пару раз обратиться уже безвозмездно.

Заказав *ekmek kadayif* – печенье со сливками и сиропом и холодный чай, Александр неспешно перекусил и минут сорок спустя направился к своему знакомому портье. Тот кивком

головы попросил товарища подменить его ненадолго и, жестом пригласив следовать за ним, двинулся к ступенькам, следуя чуть впереди Александра.

За вход, слава богу, платить не пришлось. Портье провел его за кулисы, подвел к одной из гримуборных, мягко постучал и, услышав: «Да-да», жестом пригласил Оршанского войти. Ретироваться было некуда, и Александр, кашлянув, толкнул дверь.

Представшая очам журналиста девушка была не просто красива, а сказочно красива. Костюм Шахерезады, колготки в сеточку, грудь навывлет, живот, бедра... И все загорелое, упругое. От Гогоберидзе, правда, в девушке почти ничего не было, разве что только черные, как смоль, волосы и длинные, изогнутые высокой дугой брови. Больше от потомков царицы Тамары девушке ничего не досталось. Вся остальная красота была непонятно чья, но настолько завораживающая, что Оршанский на несколько секунд даже позабыл, зачем он сюда пришел. Впрочем, этого он не знал и до того, как переступил порог этой небольшой, уставленной вешалками с костюмами гримерки.

– Вы кто? И что вам нужно? – быстро оценив Оршанского, спросила девушка и снова отвернулась к зеркалу, продолжив снимать грим.

– Я – Александр Оршанский, – по-русски ответил журналист, пытаясь этим хоть как-то заинтриговать красавицу, – и я, Вероника, хотел бы с вами поужинать.

– Обычно наглецы вроде вас являются сюда прямо с шампанским, – холодно произнесла девушка, – или хотя бы с букетом цветов, а уж потом лезут в ухагеры.

– Нет, вы меня не так поняли, – смутился Александр, – я не набиваюсь в ухагеры. Мы только сегодня приехали, наша цирковая труппа, – уточнил он, – я пошел устраиваться в отель, и портье мне рассказал, что у них как раз сейчас живет артистка из русского цирка. Вот я и подумал... – Оршанский замолчал, не зная, что плести дальше.

– Так вы из цирковых? – В голосе девушке проскользнули нотки неприязни. Она смотрела на Александра через зеркало, не оборачиваясь, и во взгляде этом не было для него ничего хорошего.

– Н-н-не совсем, – неуверенно промямлил Оршанский, уловив раздражение аниматора, но не понимая еще, откуда оно исходит и как следует реагировать. Однако, судя по интонациям, к цирку девушка относится весьма и весьма прохладно.

– Как это – не совсем? – упорно давила гимнастка, склонив голову чуть набок и пристально глядя на собеседника.

– В общем, к труппе я не имею никакого отношения. – Александр решил играть в открытую. – Я – московский журналист. – Для пущей убедительности Оршанский достал и развернул перед девушкой свое редакционное удостоверение, – мне дали задание – выехать с цирковой труппой на Кипр и написать статью или несколько очерков – это уж как получится – о российских артистах и гастролях.

– Почему именно цирк? – удивленно произнесла мадемуазель Гогоберидзе, внимательно изучая журналистское удостоверение. На ее вопрос Александр только молча пожал плечами. – Хорошо. – Девушка наконец выпрямилась. – Ждите меня у входа в гостиницу. Я к вам присоединюсь через пятнадцать минут. – Циркачка снова принялась снимать тампонами жирную маску грима, предоставив Александру беззвучно удалиться.

Оказавшись перед стеклянными дверями отеля, Оршанский принялся было размышлять, по какой такой причине у человека, посвятившего не один год цирковому искусству, само слово «цирк» может вызывать такую неприязнь? Однако никакого мало-мальски приемлемого объяснения не находилось. Одни предположения вроде «разочаровалась», «оскорбили», «незаслуженно турнули» и тому подобное. Во всяком случае, эта тема может стать поводом для осторожного разговора во время ужина и, кстати, оказаться очень полезной для будущего очерка.

– Так почему все-таки именно цирк? – повторила свой вопрос гимнастка, и Александр вздрогнул от неожиданности. Он не заметил, как она подошла. – Когда вы ворвались в мою примерку, вас интересовал цирк или я?

– Когда врывался – цирк, а когда ворвался – вы. – Александр не упустил своей первой в разговоре возможности сделать комплимент, и Вероника оценила его усилия. Она подхватила его под руку и мягко, но настойчиво повлекла в небольшую узкую улочку. – А вот почему поступил заказ писать о цирке – понятия не имею. – Оршанский с удовольствием последовал за девушкой, чувствуя, что его стройную спутницу сейчас с завистью рассматривает не один десяток мужских глаз. – Вообще-то темы для издания выбирает главный редактор, наш Вячеслав Генрихович. Могли, конечно, заказать сюжет и «сверху», а возможно, надоело нашему главреду писать об упавших самолетах, наводнениях, битвах за урожай, за сталь и за «ЮКОС». Решил разбавить очередной номер журнала чем-то легким и искрящимся – цирком, например.

– Вы выбрали не самую лучшую труппу, – с сочувствием произнесла гимнастка, – на такие халтуры ездят обычно не самые лучшие артисты. И эти – не исключение. В общем-то, в основном все – полные бездарности. – Девушка снова свернула в какой-то неширокий проход. – Цирк – это ведь не просто голая техника, – продолжала Вероника, – в придачу к этому нужна еще и голова. А в этой труппе, насколько я знаю, с выдумкой у всех проблемы. Воруют номера, не стесняются показывать то, что было новинкою еще во времена Карандаша. Я бы на такое представление и задаром не пошла. Даже не знаю, как вы будете выкручиваться со своим заданием... – искренне посочувствовала девушка, тяжело вздохнув.

– Ничего, справлюсь, – оптимистически заверил Александр. – Знаете, как это у нас, журналистов, называется? – И он снова принялся за рассказ о своем высоком профессионализме и значимости своей фигуры, о несказанной красоте собеседницы, оказавшей ему столь большую честь – пройти по улицам этого задрипанного городка, о глупых мужчинах, о цирке в частности и о высоком искусстве вообще. Он не стеснялся в превосходных степенях и елее, стараясь максимально возможно ускорить путь от этого переулка, по которому они сейчас прогуливались с гимнасткой, до ближайшей постели. Все-таки время командировки ограничено...

Глава 8

– Ну, что, цирковая братия? Я уже распаковался. А вы как? – В трейлер, отведенный для бытовых и служебных нужд Вольдемару Жозеффи и его молоденькой ассистентке Изольде, бодро влетел Заметалин, цепко держа в вытянутой руке бутылку «Советского шампанского». – Чего вы копошитесь?

– Это тебе хорошо, – недовольно огрызнулся фокусник, распахивая по полкам свой многочисленный реквизит. – Надел костюм, взял хлыст и – алле-оп! – готов к выступлению. А у меня, знаешь ли, таких простых трюков нет. У меня – искусство!

– Да ладно тебе, – примирительно произнес дрессировщик. – Чего ты взбеленился? Ну хочешь, я тебе помогу? Давай...

– Нет, не хочу, – отрезал Вольдемар, – я для того раскладываю все сам, чтобы потом, во время исполнения номеров, не метаться по фургону, как раненный в задницу медведь, а знать, где и что лежит.

– Слушайте, братья-славяне, – взмолился Заметалин, обращаясь к иллюзионисту и его помощнице, – не знаю, как вы, а я на Кипре был двенадцать лет назад, и то – проездом. – Вольдемарушка, – повелитель зверей умоляюще сложил лодочкой на груди ладони, заискивающе глядя на друга, – и охота тебе сейчас возиться со своими манатками? Давай отметим приезд! Жилище, я смотрю, обустроено, а с реквизитом разобраться у тебя будет завтра целый день! Видал, сколько техники подогнали? – Он кивнул головой в сторону открытой двери, указывая на подъемные краны, грузовики и многочисленные лебедки. – Наше шاپито они до завтрашнего обеда будут только собирать. И если успеют поставить шатер, то к вечеру, может, соблаговолит подключить хотя бы минимальные коммуникации. Так что времени у тебя – вагон и маленькая тележка! Ну, не будь ты занудой! – запричитал дрессировщик, видя, что на его призывы со стороны Вольдемара Жозеффи не последовало никакой реакции. – Такой вечер пропадает! Небо, звезды с яблоко, море, музыка, одним словом – Кипр! Неужели вы с Изольдой не можете уделить товарищу пару часов, предпочитая общество этих унылых четырех стен? Давай, Вольдемарушка, решайся, – бодро произнес Заметалин, подметив в поведении друга некоторую долю замешательства, – тут целая уйма недорогих кафе и ресторанчиков. Завалимся сейчас в какой-нибудь первый попавшийся, выпьем хорошего вина, отведаем местной кухни, а завтра чуть свет закончишь свои приготовления. Хоть расслабимся немного. Я здорово устал после всей этой таможенной нервотрепки и перелета. Моя косолапая подруга даже есть не стала, сразу завалилась спать и дрыхнет сейчас без задних ног.

– Ну, я не знаю, – нерешительно произнес факир, глянув на свою ассистентку. – Изольда, как ты думаешь, мы за завтра все успеем сделать?

– Да, конечно, все успеете, – усилил напор дрессировщик, – а тяжести таскать я вам помогу, только будете показывать, куда что носить и куда ставить.

– Ладно, Изольда, – сдал свои бастионы Вольдемар, – пару-тройку долларов сегодня, пожалуй, можно и потратить. Во-первых, этот неутомонный тип не даст нам спокойно работать, – он кивнул головой в сторону Заметалина, – а во-вторых, более подходящего случая, чем сегодня, действительно больше может не представиться.

– И в-третьих, – поддержала своего патрона ассистентка, – нам просто необходимо найти какую-нибудь аптеку или хотя бы ларек, чтобы купить средство от комаров. Судя по всему, в этом райском месте проблема с кровососами решается из рук вон плохо. – В подтверждение своих слов она звонко шлепнула себя по оголенному предплечью и брезгливо вытерла окровавленную ладошку тряпочкой.

– Вперед! На завоевание Кипра! – бодро вторил друзьям дрессировщик, и спустя всего несколько минут тройца бодро двинулась в сгущающиеся средиземноморские сумерки. Город

только-только начинал оживать после раскаленного обеденного зноя. Открывались государственные и частные конторы и заведения, банки, магазины, рестораны и многочисленные кафе, зазывая отдыхающих ароматными запахами кухни и легкой, как кипрское вино, музыкой.

– Погодите минуточку. – Изольда замедлила шаг и остановилась у небольшого ярко освещенного павильончика. – По-моему, здесь как раз можно купить средство от комаров. – Она стала внимательно разглядывать всевозможные флаконы и пузырьки с разноцветными жидкостями. – Конечно, нашей убойной «Тайги» здесь нет, но кое-что подходящее можно найти. И пахнет не так уж противно, – добавила ассистентка иллюзиониста, отвинтив с тубика крышку и понюхав его содержимое.

– Давай догоняй, – бросил через плечо своей помощнице Вольдемар Жозеффи, и мужчины несколько сбавили темп ходьбы, продолжая, однако, идти вдоль зазывающих вывесок, постепенно удаляясь от отставшей девушки.

Выбрав снадобье, Изольда расплатилась, сунула внушительную бутылочку мази в сумку и поспешила за своими ушедшими вперед спутниками.

– ...как-как! Да все очень просто... – донес до нее обрывок заметалинской фразы ветер, – ...ты что, думаешь, мы с тобой в этом деле первые? Все так делают...

– ...знаешь? Например, сколько стоит килограмм? – услышала Изольда часть ответа Вольдемара – ...Хотя бы приблизительно?

– Тоже мне нашел проблему. – Изольда уже достаточно близко подошла к своим спутникам и теперь слышала отчетливо почти каждое слово. – Узнаем. Есть язык, есть рестораны, есть интернет-магазины – нужно только не лениться, выбрать время, зайти и поинтересоваться, – заверил друга дрессировщик. – Проблема может оказаться в другом. В жаре, будь она неладна...

– Думаешь, может испортиться? – встревоженно поинтересовался Жозеффи.

– Извините, – Изольда прервала задушевную беседу приятелей, – я вас догоняла, и стала невольным свидетелем вашего разговора. – Она виновато глянула на коллег, которые от этих слов девушки вдруг крайне стушевались. – Я, правда, ничего из вашего разговора не поняла. – Девушка взмахнула белокурыми ресницами. – Вы говорили о шампанском? – Она кивнула на бутылку, которую нес в руках дрессировщик. – Или о чем-то другом? Что еще может испортиться на жаре? – наивно поинтересовалась помощница Вольдемара Жозеффи.

– Мы? – нашелся первым дрессировщик. – Да в общем-то просто строили кое-какие предположения...

– Мы вели разговор о медвежатине, – невольно поддержал товарища Вольдемар Жозеффи. – О мясе, так сказать, – уточнил он.

– Видите ли, дорогая Изольда, – начал пояснения укротитель, видя, что объяснения своего друга только еще больше запутали девушку. – Может быть, в какой-то степени это покажется вам жестоким, но... – Он сделал глубокий вдох и продолжал: – Так уж жестоко устроен наш мир, и придуман он, к сожалению, не нами... Антон Павлович, моя верная партнерша по арене, как это ни прискорбно отметить, уже очень стара, и больше не годится для выступлений. Одним словом, после нынешних гастролей, когда мы возвратимся назад, в Россию, ее спишут.

– Спишут? – не поняла ассистентка. – Как это – спишут? Кто?

– Если говорить казенным языком, – пояснил Заметалин, – то медведица уже полностью выработала свой ресурс. Даже сверх меры. Соберется компетентная комиссия, и животное спишут в утиль, как списывают груды металлолома, который когда-то гордо назывался первым в мире атомным ледоколом...

– Что значит – в утиль? – Глаза Изольды округлились. – Куда ее денут? Не в переплавку же отдадут...

– Вот в этом-то и весь вопрос, – дрессировщик грустно вздохнул, – куда...

– На помойку. Или на мясо, – холодно бросил Жозеффи, и Изольда шарахнулась от своего патрона.

– Вполне возможно, что так оно и будет. – Дрессировщик не стал успокаивать девушку, предпочитая сладкому обману горькую правду. – Никаких особо выдающихся достижений перед цирком у этого животного нет, поэтому содержать и кормить ее бесплатно никто не будет, так что доживать свой век в трупке медведице вряд ли позволят. В лучшем случае – пристроят в зоопарк. Не в московский, конечно же, это было бы для Антона Павловича крупным везением, а отдадут в какой-нибудь передвижной, посадят ее в фургон, и закончит она свою жизнь в клетке размером три метра на два, и будет она грустно глядеть из-за стальной решетки на веселых детишек с родителями, – печально вздохнул укротитель. – Это в лучшем случае. То есть позволят Антону Павловичу еще три-четыре года помучиться на колесах... Но, скорее, всего мишку просто сдадут на живодерню... – закончил дрессировщик, обреченно глядя в землю.

– Боже мой! Боже мой... – Голос Изольды дрожал, на глаза наворачивались огромные слезищи.

– А ты, девочка моя, думала, что в сказку попала? – не без ехидства в голосе спросил Вольдемар. – Это – цирк. Гладиаторская арена.

– Вот именно, – добавил укротитель, – и вас тоже, дорогая Изольда, когда вы разжиреете и перестанете помещаться в ящик для распиливания, попросту вышвырнут на улицу, коротать нищенские дни. Все ж лучше, чем живодерня, – безрадостно констатировал укротитель. – А поскольку дальнейшая судьба животного, с которым я провел на арене столько лет, мне не безразлична, мы с Вольдемаром решили не возвращать медведицу в Россию, а подыскать хорошего местного специалиста, чтобы безболезненно усыпить животное здесь. – Великая тоска сжала горло дрессировщика, и он продолжал через силу, надрывным шепотом: – Но даже тут после смерти животного должна будет собраться комиссия для того, чтобы подтвердить и запротokolировать факт смерти зверя.

– А поскольку температура воздуха здесь высокая, – пришел на выручку и поддержал товарища фокусник, – то мы и обсуждали, как это все оформить побыстрее, чтобы... ну... как бы это сказать...

– Смотреть на то, как от жары разлагается труп моей верной соратницы, я не смогу, – выдавил Заметалин, вытолкнув из горла ком горечи. – Это как присутствовать на похоронах собственных детей...

Все трое стояли с таким видом, будто находились не на райском побережье Средиземноморья, а стояли на краю могилы, в которую только что опустили самого дорогого для них человека.

– Знаешь, Константин, – тихо, словно он находился среди могильных плит кладбища, промолвил иллюзионист, – давай все-таки я найду здесь хорошего токсидермиста. Попадешь еще когда-нибудь на Кипр, а здесь – Антон Павлович, как живая! Радуетесь, понимаетесь...

– Нет... – качнул головой укротитель, – это будет для меня слишком тяжело...

Друзья по несчастью еще некоторое время постояли молча, после чего убитый горем дрессировщик поднял голову и как ни в чем не бывало громко провозгласил:

– По-моему, это то, что нам надо. Прекрасный ресторанчик для осуществления нашего плана. – Он указал шампанским на уютный домик «а-ля рюсс», из окон которого неслась мягкая курортная музыка. – Все на русском языке. Надеюсь, что меню и обслуживание – тоже. Во всяком случае, не надо будет изъясняться на исковерканном английском.

– Как вы только можете думать сейчас о водке? – Глаза ассистентки фокусника наивно распахнулись. – Это же кощунственно...

– Успокойтесь, мадемуазель Гальчевская, – мягко улыбнулся дрессировщик, – мы с вашим шефом говорили, конечно же, не по поводу моей медведицы. Мы вели разговор, как вы

верно предположили изначально, именно о шампанском. Его, как вы знаете, надо пить холодным. Теплое шампанское – это нонсенс. И чем дольше мы будем стоять у дверей этого чудесного, на мой взгляд, заведения, тем хуже для него. – Заметалин слегка потряс в воздухе бутылкой.

– И для нас тоже, – добавил Вольдемар, и после этих слов он решительно подхватил свою ассистентку под руку и двинулся навстречу чарующей греческой музыке.

Глава 9

Александр мог предположить все, что угодно, но только не то, что из только что приехавшей цирковой труппы именно эта тройца из добрых нескольких сотен кипрских кафе и ресторанов выберет как раз тот, в который он с Вероникой зашли несколько минут назад. В общем-то, до иллюзиониста и дрессировщика Оршанскому не было никакого дела, что же касается юной обворожительной Изольды...

Как говаривал один из его друзей-коллег – всегда нужно иметь запасной аэродром. А еще лучше – несколько. Это касалось, в том числе, и отношений с прекрасной половиной человечества. Как-то еще сложатся отношения с обворожительной, но своенравной и непредсказуемой Вероникой... Да и сложатся ли вообще? Очень может быть, что после этого ужина независимая гимнастка сделает Александру ручкой, и на этом все их встречи прекратятся. Оршанский отнюдь не исключал такого поворота событий. Вероника – девушка независимая, и не только по складу характера, но и финансово. Работает здесь, за бугром, получает неплохие деньги, таких поклонников, как Оршанский, у красавицы Вероники, судя по всему, пруд пруди... Непонятно, по какой такой причине эта местная дива вообще согласилась провести сегодняшний вечер в обществе рядового, по отношению к другим курортникам-россиянам, московского журналиста.

Другое дело – наивная, но отнюдь не менее привлекательная Изольда. Возможно, конечно, что между ней и ее работодателем-иллюзионистом существуют какие-то внеслужебные отношения, но как раз это для Александра никогда не было помехой. Муж, равно как и жена, не стена. Может и подвинуться. А поскольку жить Оршанскому предстояло не в гостинице, а непосредственно под боком у Изольды Гальчевской, то возможности подвинуть эту самую стену возрастали у московского мачо из ФСБ многократно.

Одним словом, светиться перед очаровательной блондинкой в обществе жгучей красавицы-брюнетки Александру было не с руки, поэтому он откинулся на спинку стула, выпав из круга света над их столиком и скрыв свое лицо в тени. Для пущей страховки журналист пригнул голову и стал тщательно листать меню.

– Вероника, – обратился он к своей соседке, – а почему ты выбрала именно этот ресторан? – Во время их недавнего дефиле по улочкам Лимассола Александр произнес такой зажигательный и убедительный хвалебный спич, что воздушная гимнастка была покорена и любезно согласилась перенести их отношения из области «вы» в область «ты». – Признаться, я, как турист, хотел отведать местной, кипрской кухни. А это – почти что русская изба, со слишком шумной и разгульной русской публикой, грязноватыми совковыми скатертями, подозрительными рожами официантов и наверняка какой-нибудь кислятиной вместо прекрасного местного вина. – Не поднимая головы, он с недовольным видом шелестел листами меню. – Может, пока не поздно, поменяем место дислокации? Заказ мы пока что не сделали, официанты к нам не спешат, хотя мы и сидим здесь уже полчаса...

– Не больше пяти минут, – поправила своего недовольного спутника Вероника и отложила меню. У их столика тут же появился молчаливый гарсон. – Здесь прекрасный вид на море. А то, что ресторан русский – это означает только то, что его владелец – россиянин. Если ты внимательно читал меню, то должен был увидеть, что здесь не подают шей, борщей, блинов и квашеной капусты. Кухня – исключительно местная. Плохих «мусаки», «тавва» и «купепкя» я на острове пока не встречала. – Официант почтительно поклонился, отдавая дань уважения гурману киприотской кухни. – И ни один хозяин ресторана не позволит подать посетителю плохое вино. Он скорее себе руку отрежет, чем лишится потенциального клиента, – продолжала Вероника, снисходительно насмехаясь над дилетантизмом Оршанского. – Туризм – это основная статья доходов не только острова, но и каждого гражданина этой страны.

– Извините, – вмешался в диалог молчаливый доселе гарсон, – очевидно, вы раньше никогда не бывали на Кипре. – Он мягко улыбнулся, подтверждая тем самым справедливость слов спутницы Александра. По-русски он говорил с сильным акцентом, но вполне сносно.

– Два года назад я некоторое время прожил в Ларнаке, – немного напыщенно парировал Александр, – так вот там заведения, вроде этого, ни у туземцев, ни у туристов особой популярностью не пользуются. Как бы местная купечка не оказалась такой же безвкусной, как и в Ларнаке. – Он обеспокоенно глянул на свою спутницу.

– Этот ресторан, – Вероника сделала недвусмысленное ударение на слове «этот», – меня вполне устраивает.

– Если господам не нравится находиться среди публики, – снова встрял в разговор официант, понимая, что назревает скандал, в результате которого заведение может лишиться сразу двоих клиентов, – у нас имеются отдельные и очень уютные кабинки за ширмой. – Он указал как раз на то место, где за полотняной стеной устраивались дрессировщик, иллюзионист и его юная ассистентка. – Правда, оттуда вид на море не так хорош, но пейзаж вечернего побережья и лимассольского порта в огнях вас не разочаруют. – Гарсон снова вежливо наклонил голову. – Правда, это будет стоить чуть дороже...

– Н-у-у-у, вариант, в общем-то, неплохой, – произнес Оршанский, немного поразмыслив. И в самом деле, перейдя за ширму, он убивал сразу двух зайцев: скрывался от глаз белокурой Изольды и мог услышать, о чем будет вести разговоры троица. Подслушивать напрямую Александр не любил, предпочитая доходить до истины не такими примитивными способами, а путем создания сложнейших логических цепочек. Другое дело – стать невольным, именно невольным свидетелем разговора... Лишних двадцать долларов того стоили. – Что скажешь, Вероника?

Однако девушка пропустила его вопрос мимо ушей. Она пристально глядела в ту сторону, куда указал официант. Точнее, на тех троих человек, которых чуть ранее заприметил журналист. Она уставилась на циркачей так, как когда-то на этих берегах смотрела на своих невольных собеседников горгона Медуза. И если бы сейчас кто-нибудь из этой троицы встретился с гимнасткой взглядом, то наверняка тоже окаменел бы.

– Хорошо, Александр, – холодно произнесла Вероника, – будь по-вашему. Давайте уйдем из этого заведения и поищем более подходящий для вас ресторан. – Она встала и тоже отступила в тень. Александр последовал ее примеру, в полумраке подошел к гимнастке, осторожно взял ее за локоть и прошептал:

– Вы что, знаете этих людей?

Ответом была сверкнувшая в глазах черноволосой красавицы молния. Понимая, что за следующими его словами может последовать гром, Оршанский только тихо предложил:

– Я понимаю, что эти типчики, – он выразительно глянул на Вольдемара Жозеффи сотоварищи, – мало у какого человека вызовут симпатию. Однако будет не очень удобно уходить вот так, сразу. Давайте воспользуемся предложением гарсона, уединимся в отдельной кабинке, избавимся от этой намозолившей глаза публики и просто проведем с тобой наедине в тишине прекрасный вечер, который ты согласилась мне подарить. Когда мне еще выпадет такое счастье? – Он со всей щенячьей нежностью и покорностью, на какую только были способны его артистические способности, смотрел на Веронику, и сердце неприступной красавицы дрогнуло.

– Хорошо, Саша, – она подарила ему многообещающий взгляд, – только ради вас. И будете развлекать меня весь вечер.

– С удовольствием, – радостно подтвердил Оршанский, следуя за гарсоном по темному проходу между столиками. – Я буду читать вам стихи и петь дифирамбы, – он незаметно сунул в карман официанту десять долларов и тихо прошептал: – Пожалуйста, мне нужен букет, достойный этой дамы.

Гарсон почтительно слегка наклонил голову.

Глава 10

Как и обещал, Оршанский баловал свою спутницу стихами, которые знал в изобилии еще с университета. Вероника, в свою очередь, – благодарными и обнадеживающими улыбками, чередуя их с многозначительными вздохами телесного томления, а ресторан – прекрасной местной кухней и винами. А уж когда, словно по мановению волшебной палочки (невидимому жесту Александра), в самый пик поэтических од гарсон преподнес Веронике роскошный букет местных цветов, фантастического, острого благоухания, черноволосая красавица, как показалось московскому сердцееду, была готова пойти за ним куда угодно.

– Да при чем тут медведица-мама, рыдающая над могилкой своей дочери? – Из-за полотняной ширмы в интимную беседу влюбленных ворвался грубый голос дрессировщика. Компания за стеной пьянела явно в очень ускоренном темпе. – Если вам, моя очаровательная богиня, интересно, и для того, чтобы успокоить ваше доброе сердце, я скажу, что у всех медведей, выступающих на арене, нет родителей. Поэтому плакать над Антоном Павловичем, кроме меня, никто не будет. Гарсон! Пожалуйста, еще бутылочку такого же. – Заметалин отдал указание невидимому официанту. – Почему нет матери? Есть у нее мать, – ответил он на пока неслышный вопрос Изольды. Видимо, девушка пока отставала от своих спутников. – Только в цирк берут медвежат, от которых мать отказалась. И даже не в цирк. Их еще проверяют на способность к дрессуре. Подвешат медвежонка за передние лапы на метровый турник и смотрят – боится или нет. Если боится – для дрессуры не пригоден. Так что найти для цирка подходящую особь – дело наитруднейшее. Потому я так и прикипел к своей медведице.

– Знаешь что, Саша, уже поздно, а у меня режим, завтра выступления, – напомнила о своем присутствии Вероника, – я, пожалуй, пойду отдыхать.

– Подожди, Вероничка, – жалобно взмолился Оршанский, – неужели пьяные идиоты за стеной испортят нам такой чудный вечер? Да ну их, не обращай внимания. – Александр попытался удержать девушку, с сожалением, однако, понимая, что почти достигнутая победа, давшаяся с таким трудом, неумолимо, как вода, утекает сквозь пальцы. – Посмотри, какое море, красочный порт, южное небо...

«Отчего так Росси-и-и-ии бере-о-о-о-озы шумя-я-я-ят,
Отчего белоство-о-о-ольные все-о-о-о понима-а-а-ют...»

Слаженно затянул вдруг оркестр местных народных инструментов, поддавшись чьей-то патриотической ностальгии и долларовому поощрению русской души, и посетители единодушно откликнулись на этот призыв хрустально-бокальным звоном.

– Знаешь, насчет ресторана ты оказался прав... – Вероника печально улыбнулась и встала из-за столика. – Извини, но я от всего этого уже успела отвыкнуть.

– Пойдем тогда погуляем. – Оршанскому очень не хотелось, чтобы этот вечер заканчивался вот так. Вероника, конечно, была права. И то, что в Москве сплошь и рядом, к чему привыкаешь и относишься как к само собой разумеющемуся, в этой части света оказалось неуместным. – Давай пройдемся по набережной... Я уверен, что там тихо и спокойно...

– Нет, – отрезала девушка. – Провожать меня не надо. Во-первых, не хочу, чтобы ты знал, где я живу, – пояснила свой отказ гимнастка, – а во-вторых, боюсь, что ты заблудишься. Хочешь, иди отдыхать или найди место потише. Можешь остаться. Когда-то меня это тоже не раздражало, но теперь... – Мягким движением она усадила Александра обратно за столик, нежно поцеловала его в щеку и ушла по-английски, по-русски, однако, не предложив разделить пополам счет за ужин.

– Слушай, Костя, – донесся из-за стены голос подвыпившего Вольдемара Жозеффи, – давай подойдем к проблеме твоей медведицы рационально. Сдадим ее на мясо. Медвежатина – это же деликатес. Четыреста кило, пусть даже по пять баксов – это же две штуки!

– Володя! – До Оршанского впервые донесся серебряный колокольчик Изольды. Правда, уже слегка надтреснутый.

– Н-н-не позволю, – решительно возразил укротитель, – и не из чувства гуманности, а потому, что четыреста кило в Антон Павловиче нету. Ты бы сильно разжирел на этой вегетарианской жратве? – Из-за ширмы донеслось бряканье посуды. – Так и медведей кормят такой же дрянью: морковь, яблоки, апельсины, печенье, ну и плюс немного меда.

– Почему так скучно? – поинтересовалась захмелевшая Изольда.

– Потому что медведи – не свиньи, – ответил дрессировщик, – они все подряд не едят. А мясо цирковым косолапым категорически запрещено. Если мишка попробует даже фарш из гастронома, для человека он становится очень опасным. Запросто вместе с костями сожрать может.

– Знаешь что, дружище, – попросил Александр у безмолвно появившегося официанта, – я, пожалуй, задержусь у вас ненадолго. Будь любезен, принеси-ка мне водки. И мяса, – добавил Оршанский, ковырнув вилкой местную фруктово-овощную кухню. – Очень кушать хочется.

– Могу предложить прекрасные рыбные блюда.

– Местного приготовления? – поинтересовался журналист.

– Да.

– Ну, коли уж нет мяса, давай тащи свою рыбу, – благодушно согласился Александр, – тоже белок.

Гарсон удалился, а Оршанский стал внимательно прислушиваться к беседе, стараясь не пропустить ни одного слова. Сделать это в общем-то было нетрудно, так как шум в ресторане усиливался с каждой выпитой рюмкой, и беседы велись хоть и задушевные, но докричаться до соседа было не так уж и просто. Надо было сильно поднапрячь голосовые связки. Троице это вполне удавалось, да и сидели они всего в каком-то метре от журналиста, так что напрягаться ему особенно не приходилось.

– Слушай, Костя, а давай мы твоей медведице напоследок праздник устроим: купим ей бутылочку водки, салатика местного из лопухов... – Жозеффи уже изрядно накачался местным вином, которое, как известно, пьется как сок, а действует как коньяк. – Помню, один дрессировщик собачек своих напоил...

– Убью на месте, – неожиданно злобно прорычал Заметалин, прервав истерический смех Изольды. – И думать не можете. Даже приближаться к медведю с запахом алкоголя. Это, считай, смерть. Как-то в цирке на Цветном то ли униформист, то ли сторож какой пригласил на ночь своих подружек, – зловещим голосом начал свое повествование укротитель, – ну, выпили, как водится, и этот болван решил выпендриться, показать, какой он крутой дрессировщик. В общем, полез в клетку к медведю. И не просто к медведю, а к такому, за которым ухаживал, когда тот был еще медвежонком. Говорят, что униформист этот был для медведя чем-то вроде папы и мамы. Это когда тот был трезвый. А пьяного мишка разодрал мгновенно, а вместе с ним и подруг, от которых тоже разило алкоголем.

– Так мы ж в клетку не полезем, – сопротивлялся иллюзионист, которому, видимо, очень понравилась идея праздничного ужина для мишки, – мы можем ему все это на лопате сунуть.

– Все, хватит об этом, – отрезал Заметалин, – мне, конечно, нравятся твои грандиозные планы и твоя забота об Антоне Павловиче, но одно дело – пьяные собачки, и совсем другое – пьяный грузовик. И фантазии в голове у захмелевшего медведя куда больше, чем в твоей. Уж поверь мне на слово.

– Послушайте, мальчики, – послышался капризный голосок Изольды, – ну что вы все о работе и о работе? Нашли время. И, главное, место, – справедливо заметила она. – Пойдемте лучше потанцуем. Вольдемар, ты меня пригласишь?

Иллюзионист нехотя глянул на свою ассистентку, зато с готовностью поднялся Заметалин. Вот с кем с кем, а с ним танцевать Изольде хотелось меньше всего. От неприятной ситуации ее спас звонок на мобильный телефон. Звонила мама.

– Извините, Константин, как-нибудь в другой раз. – Она категорично выставила вперед ладонь и отошла чуть подальше от столика и громыхающего оркестра.

Отделавшись от родительницы короткими «нет», «да», «все хорошо», «устроилась прекрасно» и «кормят замечательно», Изольда сунула телефон в сумочку и, глянув на покинутый столик, увидела, что дрессировщик склонился поближе к Жозеффи и по-заговорщицки что-то ему шепчет. Секретностью, впрочем, здесь и не пахло. Мужчины сидели друг против друга, небольшой наклон над столом не слишком их сблизил, и чтобы расслышать собеседника, им приходилось говорить настолько громко, что в паузах музыкальных гоцаний Изольда вполне отчетливо различала обрывки фраз.

– ...в этом ресторане попробовать? – это ее патрон Жозеффи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.